

В письмах четко обозначено понимание населением большой занятости представителей партийного руководства, но люди надеялись, что и для решения их частной проблемы у властей найдется время: «Мы знаем, что у Вас масса дел и вопросов государственной важности, но все же мы обращаемся к Вам...»; «понимаю Вашу занятость, но кроме Вас мне не к кому обратиться...»³⁶². Граждане верили, что судьба каждого отдельного советского жителя важна для партии, к тому же они пользовались правом, прописанном в Конституции СССР и Уставе КПСС, по которому любой гражданин, коммунист и беспартийный, мог обращаться по любому вопросу в вышестоящие партийные органы. На это право очень часто указывают авторы в своих письмах, считая, что власть обязана заботиться об их благополучии. В результате, в Центральный комитет партии шли письма с просьбами подключить дом к центральному отоплению, выделить место под детскую игровую площадку, дать возможность пользоваться услугами больницы и т.д.

Заведующий сектором отдела писем при ЦК КПСС Молокоедов А.Н., выступая на VII пленуме Свердловского Обкома КПСС (август 1980 г.), указывал, что «население области направляет в центральные органы жалоб больше, чем в областные...Откровенно говоря, во многих случаях обращения в центральные органы вызваны тем, что местные органы, и в первую очередь исполнительные комитеты Советов, их отделы и управления не решают или проявляют волокиту в решении вопросов, входящих в их компетенцию»³⁶³.

Таким образом, руководители высших партийных рангов предстают на страницах писем уральцев как справедливые, обладающие высокими моральными качествами, «настоящие коммунисты», готовые принять участие в судьбе каждого советского гражданина. Именно им можно не боясь высказать критические замечания, пожаловаться на неудовлетворительную работу областных, городских властей, попросить помощи в любом вопросе. Обращение в Центральный комитет партии обязательно должно привести к необходимому результату, сдвинуть решение с «мертвой точки», пусть даже не с первого раза. Важно отметить, что, по мнению большинства авторов писем, многие проблемы, стоящие перед жителями области, происходят по вине региональных властей, в то время как центральные органы просто не всегда в курсе реального состояния дел на местах, также зачастую по причине дезинформации со стороны местных руководителей.

**М.С. Каменских
Пермь**

КГБ И РЕАЛИЗАЦИЯ «ПЕРМСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА»

Период конца 60-х гг. для советского общества характерен новым подъемом волн общественного движения – национального, религиозного, правозащитного и пр. Это было новое поколение несогласных, выросшее в советском государстве, но не принимавшее принципов его существования.³⁶⁴

Принять их действия за «пережитки прошлого» было уже невозможно. Диссидентство явилось «порождением самой системы организации общества». Режим вступил во внутреннее противоречие, что могло создавать угрозу его существованию. Решая данную проблему, советская система госбезопасности предпринимает попытки по интенсификации контроля за населением, пытаясь ответить на вызовы времени.

В органах КГБ этот период связан с деятельностью Ю. Андропова, который вступил на пост руководителя КГБ в мае 1969 г. Он поставил деятельность контрольных органов

³⁶² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 92. Д. 111. Л. 125; Ф. 4. Оп. 95. Д. 137. Л. 22.

³⁶³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 19. Л. 52.

³⁶⁴ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс-Москва, 1992. с. 352.

на научную основу, поднял ее на качественно новый уровень³⁶⁵. Для контроля за мыслями населения в структуре КГБ специально было создано новое Пятое управление, в деятельности которого стали практиковать новые методы борьбы с инакомыслием – заключение в ведомственную психиатрическую больницу, «предупреждающие» телефонные звонки и т.п.³⁶⁶ В уголовном законодательстве специально для пресечения массовых акций протеста вышние партийные инстанции по представлению КГБ в сентябре 1966 г. одобрили проект указа о дополнении уголовного кодекса статьями 190 (1), 190 (2), 190 (3), который позже был принят Верховным Советом РСФСР.³⁶⁷

В этой связи началась волна арестов. Для изоляции новой категории заключенных был разработан план организации специальных лагерей на территории Пермской области, который в среде диссидентов и получил название «пермский эксперимент».³⁶⁸ Прибывших в июле 1972 г. на пермскую землю политических заключенных решено было содержать в условиях строгой изоляции и секретности³⁶⁹. Однако уже в декабре того же года диссидентский самиздатовский журнал «Хроника текущих событий» опубликовал информацию о пермских лагерях³⁷⁰. После этого информация поступала уже регулярно. Эти события дали основания диссиденту Буковскому сделать вывод, что «пермский эксперимент провалился»³⁷¹.

Причины провала (а конкретней «утечки информации») уже не раз обсуждались: новости на волю отправлялись письмами, через свидания, подкуп охранников и прочие каналы, связывающие лагерь с внешним миром. В этой связи особый интерес для исследователей представляют сами представители лагерной администрации, ведь в их функции входило пресечение подобных каналов. При довольно доскональном исследовании истории жертв пенитенциарной системы СССР, исследователи отмечают недостаточность работ, посвященных не собственно жертвам репрессий, а самой карательной системе³⁷². Очень многие эпизоды этой темы до сих пор остаются не исследованными, хотя их анализ позволит по новому взглянуть на многие проблемы. В данной работе речь пойдет о системе подбора кадров по надзору за политзаключенными в пермских лагерях начала 70-х гг. и о том, насколько эта система отвечала качественно новым условиям борьбы с инакомыслием в СССР, описанным выше.

В отличие от органов госбезопасности, всегда являвшихся своеобразной элитой советского общества, представители лагерной администрации редко могли быть предметом гордости для своего Отечества. Еще в начальные периоды формирования советской карательной системы кадровый состав Главного Управления Госбезопасности (ГУГБ) сильно отличался в «качественном» отношении от представителей ГУЛАГа: в первое ведомство НКВД шли лучшие чекисты, в последнее брали практически всех.

Таким образом, уже к концу 40-х гг., в период максимального расцвета ГУЛАГа, две части карательной системы СССР серьезно отличались друг от друга³⁷³. По данным на 1 января 1945 г. среди работников ГУЛАГа высшее образование имели 3,5%; незаконченное высшее 0,9%; среднее 9,4%; неполное среднее 13,6 % и низшее 72,6%³⁷⁴. Но образование в

³⁶⁵ Подр см.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М.: РОССПЭН, 1995. с. 244-545. Данилов А. А. Борьба КГБ с инакомыслием в СССР в середине 60-х – начале 80-х гг. // «Тоталитаризм в России (СССР) 1917-1991. Оппозиция и репрессии. – Пермь, 1998. с. 103.

³⁶⁶ Барон Дж. КГБ сегодня/ Антология самиздата. Т. 3. – М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 138.

³⁶⁷ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М.: РОССПЭН, 1995. с. 238.

³⁶⁸ Буковский В. Из книги «И возвращается ветер»/ Годы террора. Часть вторая. Пермь, 2000. С. 212.

³⁶⁹ Шмыров В. А. К истории пермских лагерей/ Годы террора. Ч. 1. – Пермь: «Здравствуй», 1998. с. 253.

³⁷⁰ Хроника Текущих Событий. – Нью-Йорк: Хроника, 1974. СС. 30-31.

³⁷¹ Буковский В. Из книги «И возвращается ветер»/ Годы террора. Часть вторая. Пермь, 2000. С. 229.

³⁷² Петров Н. В. Введение История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. – М.: РОССПЭН, 2004. с. 21.

³⁷³ ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои/ Под ред. Добровольского И. В. – Франкфурт/М. – Москва, МОПЧ. С. 84-85.

³⁷⁴ Петров Н. В. Указ. Соч. С. 47

советском обществе, как известно, не было показателем гражданской порядочности. Главным критерием социального авторитета была партийность. Но и здесь работники ГУЛАГа не отличались особой успешностью. На 1 января 1945 г. во всем ГУЛАГе лишь 9,9% членов и кандидатов в ВКП (б), 8,0% - комсомольцев, зато остальные 82,1% беспартийные³⁷⁵.

Попытки НКВД исправить ситуацию за счет улучшения положения работников ГУЛАГа не дали результатов. Даже в условиях, когда на работу в лагеря брали всех и за хорошие деньги, кадров все равно не хватало: в то время как кадры всего ГУЛАГа насчитывали по штату на 1 января 1945 г. 314322 чел., в наличии было лишь 273608 чел. Остальные должности оставались вакантными³⁷⁶.

С приездом диссидентов, контроль над которыми требовал совсем другого качества работы, ситуация не изменилась. КГБ ограничился личной беседой с каждым из работников на предмет «благонадежности». Однако сам факт, что на работу в лагерь с новым контингентом заключенных взяли всю предыдущую администрацию показывает насколько «серьезной» была эта беседа.

Как оказалось позже, лагерная администрация оказалась не готова к работе с образованными заключенными³⁷⁷, что облегчало последним налаживание каналов передачи информации на волю. Нашу гипотезу подтверждает доклад начальника пермских лагерей Микова Г. И. о проделанной работе на партконференции ИТУ УВД 15 января 1974 г.: «Контролировать поведение осужденных (имеется в виду спецконтингент – авт.) и глубоко изучать происходящие среди них процессы могут, как правило, сотрудники с высшей квалификацией, с опытом жизни и работы. Кадры же обоих ИТК и отдела еще не отвечают этим требованиям, что отражается на уровне работы. Ни один начальник отряда и дежурный помощник не имеет высшего образования. Большинство осужденных читает художественную, политическую и техническую литературу, самостоятельно изучает иностранный язык, ведут конспекты-записи. Активно следят за периодической печатью... Мы же не располагаем ни одним переводчиком, даже на общественных началах. В то же время вся корреспонденция подлежит обязательному цензурированию. Мы испытываем затруднения в приобретении для библиотеки литературы на языках народов СССР». Плохо было и с формальной дисциплиной личного состава колонии: «Дисциплина среди контролерского состава низкая, допускаются прогулы, связанные с пьянством, аморальные проявления и др. элементы недисциплинированности. Отказали в доверии 4 контролерам в течение года».³⁷⁸

Помимо низкой квалификации имелись случаи, когда представители лагерной администрации вступали в контакты с диссидентами и оказывали им помощь. В ноябре 1972 г. вольнонаемная сотрудница лагеря Н. Бойкова вступила в контакт с диссидентами и помогала им в получении передач.³⁷⁹

Для контроля за деятельностью лагерной администрации КГБ отправлял своих сотрудников, которые следили за действиями администрации. Однако в пермских лагерях попытки КГБ взять все под свой полный контроль привели двоялости и неудовольствию местной лагерной администрации, считавшей себя главной на зоне. Приказы КГБ исполнялись, но при этом не упускалась возможность любого мелкого вредительства. Так, например, в своих мемуарах Буковский вспоминает такой эпизод: КГБ-шники заставили начальника колонии, против его воли, записать заключенному

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Об уровне образованности см.: Обухов Л. А. Социальный портрет заключенных пермских политлагерей/Тоталитаризм в России (СССР) 1917-1991. с. 118.

³⁷⁸ ГОПАПО. ф. 58. Оп.16. Д. 1. Л. 36-38.

³⁷⁹ ГОПАПО. Ф. 58. Оп. 2. Д. 27. Л. 26.

прогул, чтоб посадить его в ШИЗО. Начальник записал прогул, но в день, когда по всей колонии был объявлен выходной.³⁸⁰

Все эти просчеты КГБ шли на руку диссидентам. Они часто пользовались неграмотностью, а часто просто подкупностью лагерников. В своих воспоминаниях диссидент Ковалев подтверждает нашу гипотезу: «Я боялся более тонкой и коварной работы. У них все было в руках, они могли фальсифицировать что угодно, но они не умели это делать. Даже этого не умели»³⁸¹.

Одним из самых распространенных способов передачи информации были т.н. «пульки», когда заключенные проглатывали специально изготовленный полиэтиленовый капсульт и передавали его во время свидания. С. А. Ковалев: В конце концов эти проглоченные пульки были просто неуловимы. Они приходили на свиданку и говорили – «а, все знаем: сейчас поведем в санчасть и будем проверять специальными приборами». Но люди интеллигентные и понимают, что никакого специального прибора не существует. Никакой рентген вам ничего не даст»³⁸². Плотность бумаги не отличалась от плотности обычного содержимого кишечника. Лагерники видели, что рентген ничего не дает; отпускали заключенного, а потом узнавали, что он передал информацию.

Были случаи, когда заключенные просто разговаривали между собой по-английски, а наблюдатели не могли их понять.

Все эти и многие другие эпизоды, связанные с неподготовленностью лагерной администрации пермских лагерей привели итоге к провалу «пермского эксперимента». Именно в невнимании к подбору контрольного персонала лагеря, на наш взгляд, кроется одна из существенных недоработок КГБ в борьбе с инакомыслием в 70-е гг.

Если на воле система безопасности смогла ответить на вызов времени и интенсифицировать, усложнить свою деятельность, то в лагерях все изменения носили больше экстенсивный характер – проводилось ужесточение режима и условий содержания, однако интеллектуализация в деятельности самих носителей охранной системы не произошло.

П.В. Каплин
Екатеринбург

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Самым важным событием для Русской Православной Церкви в начале XX в. стало проведение Поместного Собора 1917 – 1918 гг. Это событие стало началом нового периода в Русской Церкви, которая в течение более двух сот лет не имела возможности свободно развиваться и решать возникающие проблемы посредством церковных соборов.

Попытку утвердить идеал симфонии в новых условиях, когда империя пала, предпринял Поместный Собор 1917 – 1918 гг. Однако уже через два месяца работы Собора в стране произошел очередной государственный переворот, и власть перешла к партии большевиков. В новых условиях, когда на Поместном Соборе выработывалась позиция Церкви по отношению к государству, государственная власть заняла такую позицию, когда диалог с Церковью не был даже предусмотрен.

Воплощая в жизнь свое видение места Церкви в Советской республике, СНК был принят 20 января 1918 г. декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Этот декрет в некоторых работах называется «декретом об отделении Церкви от государства»,³⁸³ что является не совсем правильным. Связано это стереотипное

³⁸⁰ В. Буковский. Указ. Соч. С. 244.

³⁸¹ Интервью с Сергеем Адамовичем Ковалевым, 2 кассета/ Материалы музея «Пермь 36».

³⁸² Там же. 3 кассета.

³⁸³ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922-1925 гг. М.; Новосибирск: РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. С. 9 и др.